

Николай Лесков

Язвительный

Николай Семёнович Лесков

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175467*

Аннотация

«При прежнем губернаторе у нас не позволялось курить в канцелярии. Старшие чиновники обыкновенно куривали в маленькой комнатке, за правительским кабинетом, а младшие – в сторожке. В этом курении у нас уходила большая половина служебного времени. Я и мои товарищи, состоявшие по особым поручениям, не обязаны были сидеть в канцелярии и потому не нуждались вовсе в канцелярских курильных закоулках; но все-таки каждый из нас считал своею обязанностью прийти покоптить папиросным дымом стены комнаты, находившейся за правительским кабинетом. Эта комната была для нас сборным местом, в которое всякий спешил поболтать, посплетничать, посмеяться и посоветоваться...»

Содержание

1	4
2	6
3	10
4	12
5	15
6	22
7	29
8	35

Николай Лесков

Язвительный

Рассказ чиновника особых поручений

1

При прежнем губернаторе у нас не позволялось курить в канцелярии. Старшие чиновники обыкновенно куривали в маленькой комнатке, за правительским кабинетом, а младшие – в сторожке. В этом курении у нас уходила большая половина служебного времени. Я и мои товарищи, состоявшие по особым поручениям, не обязаны были сидеть в канцелярии и потому не нуждались вовсе в канцелярских курительных закоулках; но все-таки каждый из нас считал своею обязанностью прийти покоптить папиросным дымом стены комнаты, находившейся за правительским кабинетом. Эта комната была для нас сборным местом, в которое всякий спешил поболтать, посплетничать, пошутить и посоветоваться.

Один раз, наработавшись вволю над пересмотром

только что оконченного мною следствия, я вышел прогуляться. День был прекрасный, теплый, с крыш падали капли, и на перекрестках улиц стояли лужи. Шаг за шагом я дошел до канцелярии и вздумал зайти покурить. Правитель был с докладом у губернатора. В комнате за правительским кабинетом я застал двух помощников правителя, полицмейстера и одного из моих товарищей, только что возвратившегося с следствия из дальнего уезда. Пожав поданные мне руки, я закурил папироску и сел на окно, ничем не прерывая беседы, начатой до моего прихода. Возвратившийся молодой чиновник особых поручений с жаром рассказывал об открытых им злоупотреблениях по одному полицейскому управлению. В рассказе его собственно не было ничего занимательного, и рассказом этим более всех был заинтересован сам рассказчик, веровавший, что в нашей административной организации обнаружить зло – значит сделать шаг к его искоренению. Из помощников правителя один еще кое-как слушал этот рассказ, но другой без церемонии барабанил по окнам пальцами, а полицмейстер, оседлав ногами свою кавалерийскую саблю, пускал из-под усов колечки из дыма и как бы собирался сказать: «Как вы, дитя мое, глупы!»

2

Среди таких наших занятий растворилась дверь, соединявшая комнатку с правительским кабинетом, и правитель проговорил кому-то:

– Вот наш клуб. Прошу вас здесь покурить; а я сейчас отделаюсь и буду к вашим услугам.

В двери показался высокий плотный блондин, лет сорока, в очках, с небольшою лысиною и ласковым выражением в лице.

– Господин Ден, – проговорил правитель, рекомендуя нам введенного им господина. – Господин Ден приехал, господа, с полномочием князя Кулагина на управление его имениями. Прошу вас с ним познакомиться. Это мои сотрудники N, X, Y, Z, – отрекомендовал нас правитель господину Дену. Начались рукожатия и отрывочные: «очень рад, весьма приятно» и т. д.

Правитель с полицмейстером вышли в кабинет, а мы опять начали прерванный кейф.

– Вы давно в наших краях? – спросил Дена мой молодой товарищ, слывший за светского человека.

– Я первый раз в здешней губернии, и даже только со вчерашнего дня, – отвечал г-н Ден.

– Да; я не то спросил. Я хотел сказать: вы уже знакомы с нашей губернией?

– Не знаю, как вам сказать, – и да и нет. Я знаком с имениями князя по отчетам, которые мне предъявляли в главной конторе, и по рассказам моего доверителя. Но... впрочем, я полагаю, что ваша губерния то же самое, что и Воронежская и Полтавская, в которых я управлял уже княжескими имениями.

– Ну, не совсем, – отозвался один помощник правителя канцелярии, слывший у нас за политико-эконом.

– В чем же резче всего проявляются особенности здешней губернии? – отнесся к нему Ден. – Я буду много обязан вам за ваши опытные указания.

– Да во многом.

– О, я не смею спорить; но мне бы хотелось узнать, на чем именно я могу споткнуться, если буду держаться здесь системы управления, принятой мною с моего приезда в Россию? Я тех убеждений, что неуклонная система всегда достигает благих целей.

Политико-эконом не ответил на этот вопрос Дену, потому что молодой чиновник перебил его вопросом:

– А вы давно в России?

– Седьмой год, – отвечал Ден.

– Вы... если не ошибаюсь... иностранец?

– Я англичанин.

– И так хорошо говорите по-русски.

– О да. Я еще в Англии учился по-русски, и теперь

опять седьмой год изо дня в день с крестьянами; что ж тут удивительного!

– Вы свыклись и с нашим народом и с нашими порядками?

– Кажется, – улыбаясь, ответил Ден.

– Имена князя в нашей губернии не цветут.

– Да, я это слышал.

– Вам будет много труда.

– Как везде. Без труда ничего не двинешь.

– Может быть, побольше, как в другом месте.

– Ничего-с. Нужна только система. Не нужно быть ни варваром, ни потатчиком, а вести дело систематически, твердо, настойчиво, но разумно. Во всем нужна система.

– Где же вы намерены основать свою резиденцию? – спросил политико-эконом.

– Я думаю, в Рахманах.

– Отчего же не в Жижках? Там покойная княгиня жила; там есть и готовый дом и прислуга; а в Рахманах, мне кажется, ничего нет, – заметил молодой чиновник.

– У меня на это есть некоторые соображения.

– Своя система, – смеясь, вставил помощник правителя.

– Именно.

Правитель с шляпой на голове отворил двери и сказал Дену: «Едем-с!»

Мы пожали опять друг другу руки и расстались.

3

Село Рахманы находится в соседстве с Гостомельскими хуторами, где я увидел свет и где жила моя мать. Между хуторами и селом всего расстояния считают верст девять, не более, и они всегда на слуху друг у друга. Заезжая по делам службы в К—ой уезд, я обыкновенно всегда заворачивал на хутора, чтобы повидаться с матушкой и взглянуть на ее утлое хозяйство. Мать моя познакомилась с Стюартом Яковлевичем Деном и с его женою и при всяком свидании со мной все никак не могла нахвалиться своими новыми соседями. Особенно она до небес превозносила самого Дена.

– Вот, – говорила она, – настоящий человек; умный, рассудительный, аккуратный. Во всем у него порядок, знает он, сколько можно ему издержать, сколько нужно оставить; одним словом, видно, что это человек не нашего русского, дурацкого воспитания!

Другие соседи тоже были без ума от Дена. Просто в пословицу у них Ден вошел: «Ден говорит, так-то надо делать; Ден так-то не советует», и только слов, что Ден да Ден. Рассказам же и анекдотам про Дена и конца нет. Повествуют, как все отменилось в княжеских имениях с приезда Стюарта Яковлевича, все, го-

ворят, на ноги поднял; даже отъявленных воров, которых в нашем крае урожай, и тех определил в свое дело. Да еще так: самых известных лентяев поделал надсмотрщиками по работам; а воров, по несколько раз бывших в остроге, назначил в экономы, в ключники да в ларечники, и все идет так, что целый округ завидует. «Вот, – думаю себе, – дока-то на наших мужиков явился!»

Хотелось мне самому посмотреть на рахманские диковины, да все как-то не приходилось. А тем временем минул год, и опять наступила зима.

4

Вечером 4 декабря жандарм принес мне записку, которую дежурный чиновник звал меня позже, в одиннадцатый час, к губернатору.

– Вы, кажется, здешний уроженец? – спросил меня губернатор, когда я вошел к нему по этому зову.

Я отвечал утвердительно.

– Вы живали в К—ом уезде?

– Я там, – говорю, – провел мое детство. К—ой уезд мое родное гнездо.

– И у вас там много знакомых? – продолжал спрашивать губернатор.

«Что за лихо!» – подумал я, выдерживая этот допрос, и отвечал, что я хорошо знаю почти весь уезд.

– У меня к вам есть просьба, – начал губернатор. – Пишет мне из Парижа князь Кулагин, что послал он в свои здешние имения англичанина Дена, человека сведущего и давно известного князю с отличной стороны, а между тем никак не огребется от жалоб на него. Сделайте милость, – не в службу, а в дружбу: съездите вы в К—ой уезд, разузнайте вы это дело по совести и дайте мне случай поступить по совести же.

Поехал я в город К. в эту же ночь, а к утреннему чаю был у моей матери. Там о жалобах к—ских крестьян

на Дена и слуху нет. Спрашиваю матушку: «Не слышали ли, как живут рахманские мужики?»

– Нет, мой друг, не слыхала, – говорит. – А впрочем, что им при Стюарте Яковлевиче!

– Может быть, – говорю, – он очень строг или горяч?

– В порядке, разумеется, спрашивает.

– Счет, может, много?

– Что ты! что ты! Да у него и розог в помине нет!

Кого если и секут, так на сходке, по мирской воле.

– Может быть, он какие-нибудь другие свои делишки неаккуратно ведет?

– Что ты начать-то хочешь?

– Как, говорю, – он к красненьким повязочкам равнодушен ли?

– О, полно, сделай милость, – проговорила мать и плюнула.

– Да вы чего, матушка, сердитесь-то?

– Да что ж ты глупости говоришь!

– Отчего же глупости? Ведь это бывает.

– Подумай сам: ведь он женатый!

– Да ведь, родная, – говорю, – иной раз и женатому невесть что хуже холостого снится.

– Эй! поди ты! – опять крикнула мать, плохо скрывая свою улыбку.

– Ну чем женибудь он да не угодил на крестьян?

– Что, мой друг, чем угождать-то! Они галманы бы-

ли, галманы и есть. Баловство да воровство – вот что им нужно.

5

Объехал два, три соседние дома, – то же самое. На Николин день в селе ярмарка. Зашел на поповку, побеседовал с духовными, стараясь между речами узнать что-нибудь о причинах недовольствия крестьян на Дена, но от всех один ответ, что Стюарт Яковлевич – такой управитель, какого и в свете нет. Просто, говорят, отец родной для мужика. Что тут делать? Верно, думаю себе, в самом деле врут мужики.

Так приходилось ни с чем и ехать в губернский город.

В городе К. я заехал, без всякой цели, к старому приятелю моего покойного отца, купцу Рукавичникову. Я хотел только обогреться у старика чайком, пока мне приведут почтовых лошадей, но он ни за что не хотел отпустить меня без обеда. «У меня, – говорит, – сегодня младший сынок именинник; пирог в печи сидит; а я тебя пушу! И не думай! А то вот призову старуху с невестками и велю кланяться».

Надо было оставаться.

– Тем часом пойдем чайку попьем, – сказал мне Рукавичников.

Нам подали на мезонин брюхастый самовар, и мы с хозяином засели за чай.

– Ты что, парень, был у нас волей, неволей или своей охотой? – спросил у меня Рукавичников, когда мы у ourselves и он запарил чай и покрыл чайник белым полотенцем.

– Да и волей, и неволей, и своей охотой, Петр Ананьич, – отвечал я.

Я знаю, что Петр Ананьич человек умный, скромный и весь уезд знает как свои пять пальцев.

– Вот, – говорю, – какое дело, и пустое, да и мудреное, – и рассказал ему свое поручение.

Петр Ананьич слушал меня внимательно и во время рассказа несколько раз улыбался; а когда я кончил, проговорил только:

– Это, парень, не пустое дело.

– А вы знаете Дена?

– Как, сударь, не знать!

– Ну, что о нем скажете?

– Да что ж о нем сказать? – проговорил старик, разведя руками, – хороший барин.

– Хороший?

– Да как же не хороший!

– Честный?

– И покору ему этим нет.

– Строг уж, что ли, очень?

– Ничего ни капли не строг он.

– Что ж это, с чего на него жалуются-то?

– А как тебе сказать... очень хорош, – похуже надо, вот и жалобы. Не по нутру мужикам.

– Да отчего не по нутру-то?

– Порядки спрашивает, порядки, а мы того терпеть не любим.

– Работой, что ли, отягощает? – все добиваюсь я у Рукавичникова.

– Ну какое отягощение! Вдвое против прежнего им теперь легче... А! да вот постой! вон мужичонко рахмановский чего-то приплелся. Ей! Филат! Филат! – крикнул в форточку Рукавичников. – Вот сейчас гусли заведем, – прибавил он, закрыв окно и снова усевшись за столик.

В комнату влез маленький подслеповатый мужичок с гноющимися глазками и начал креститься на образа.

– Здравствуй, Филат Егорыч! – сказал Рукавичников, дав мужику окреститься.

– Здравствуй, батюшка Петр Ананьич.

– Как живешь-можешь?

– Ась?

– Как, мол, живешь?

– А! Да все сла те богу живем.

– Дома все ли здорово?

– Ничего будто, Петр Ананьич; ничего.

– Всем, значит, довольны?

– Ась?

– Всем, мол, довольны?

– И-и! Чем довольными-то нам быть.

– Что ж худо?

– Да все бог его знает; будто как не вольготно показывается.

– Управитель, что ль, опять?

– Да, а то кто ж!

– Аль чем изобидел?

– Вот завод затеял строить.

– Ну?

– Ну и в заработки на Украину не пускает.

– Никого?

– Ни одного плотника не пустил.

– Это нехорошо.

– Какое ж хорошество! Барину жалились; два прошения послали, да все никакой еще лизирущии. нет.

– Поди ж ты горе какое! – заметил Рукавичников.

– Да. Так вот и маемся с эстаким с ворогом.

– Видите, какой мошенник ваш Ден! – сказал, обратясь ко мне, Рукавичников.

Мужик в меня воззрился.

– А вот теперь я вам расскажу, – продолжал мой хозяин, – какой мошенник вот этот самый Филат Егорыч.

Мужик не обнаружил никакого волнения.

– Господин Ден, ихний управляющий, человек добрейшей души и честнейших правил...

– Это точно, – встрел мужичок.

– Да. Но этот господин Ден с ними не умеет ладить.

Всё какие-то свои порядки там заводит; а по-моему, не порядки он заводит, а просто слабый он человек.

– Это как есть слабый, – опять подсказал мужичок.

– Да. Он вот у них другой год, а спросите: тронул ли он кого пальцем? Что, правду говорю или вру?

– Это так.

– Вот извольте видеть, им это не нравится. Наказания его всё мягкие, да и то где-где соберется; работа урочная, но легкая: сделай свое и иди куда хочешь.

– Ступай, значит.

– Что?

– Сделаемши свое, – ступай, говорю, куда хочешь, – повторил мужичок.

– Да. Ну-с, а они вот на него жалобы строчат.

Мужик молчал.

– Ну а на заработки-то он их зачем же не пускает? – говорил я.

– Не пускает-с, не пускает. А вы вот извольте спросить Филата Егоровича: много ли ему его сыночек за два года из работы принес. Расскажи-ка, Филат Егорыч.

Мужичок молчал.

– А принес ему, сударь мой, его сыночек украинскую сумку, а в ней сломанную аглицкую рубанку, а моло-

дой хозяйке с детками французский подарочек, от которого чуть у целой семьи носы не попроваливались. Вру, что ль? – опять обратился Рукавичников к мужичку.

– Нет, это было.

– Да, было. Ну-с, а Стюарт Яковлевич задумал завод винный построить. Я его за это хвалю; потому что он не махину какую заводит, а только для своего хлеба, чтоб перекурить свой хлеб, а бардой скотинку воспитать. Приходили к нему разные рядчики. Брали всю эту постройку на отряд за пять тысяч, он не дал. Зачем он не дал?

– Мы этого знать не можем, – отвечал Филат Егорыч.

– Нет, врешь, брат, – знаешь. Он вам высчитывал, что с него чужие просят за постройку; выкладывал, почему вам обходится месяц платою у подрядчика, и дал вам рублем на человека в месяц дороже, только чтоб не болтались, а дома работали.

– Это такая говорка точно была.

– То-то, а не не можем знать. Ну а они вот теперь небось настрочили, что на работу не пускает, все на заводе морит; а насчет платы ни-ни-ни. Так, что ль?

– Не знаю я этого.

– Да уж это как водится. Вот вам и Филат Егорыч, старый мой друг и приятель! Любите-жалуйте его.

Мужичок осклабился.

– А вот меня бы вам в управители! – шутливо продолжал Рукавичников. – А приняли б вы меня?

– Да с чего ж?

– И никогда бы мы не ссорились; все бы у нас полюбезному пошло. Потому что порядок бы у нас душевный был. Ты, Филат Егорыч, пробаловался – на клин тебя, молодой парень какой где проворовался или что другое – за виски его посмыкал; раздобылся чем таким на Украине, вроде вот Филата Егорыча сына, ну – в больницу его, а потом покропил березовым кропильцем, да и опять пушай. Так, что ли, Филат Егорыч?

– По-нашему так.

– Ну вот! Ведь я знаю.

Мужичка отпустили.

– Что же это такое однако? – спрашивал я Рукавичникова.

– А вот видишь сам, сударь мой. Господин Ден человек хороший, да мой бы совет ему уходить отсюда, а не то они ему подведут машину.

Рассказал я это дело губернатору во всей подробности. Губернатор просто на стену прыгает: сам он был администратор и несказанно восхитился, что в его губернии завелся такой сельский администратор, как Стюарт Яковлевич Ден.

6

В пятницу на масленице у губернатора были званные блины. Весь город почти собрался. За столом дежурный чиновник подал губернатору конверт. Губернатор сорвал печать, прочел бумагу и отпустил дежурного с словом: хорошо! Но видно было, что что-то совсем не хорошо.

Вставши из-за стола, губернатор поговорил кое с кем из гостей и незаметно вышел с правителем в кабинет, а через четверть часа и меня туда позвали. Губернатор стоял, облокотясь на свою конторку, а правитель что-то писал за его письменным столом.

– Скверное дело случилось, – сказал губернатор, обратясь ко мне. – В Рахманах бунт.

– Как бунт?

– Да вот читайте.

Губернатор подал мне с конторки бумагу, полученную им за обедом. Это было донесение к—ского исправника, писавшего, что вчера рахманские мужики взбунтовались против своего управителя, сожгли его дом, завод и мельницы, а самого управляющего избили и выгнали вон.

– Я сейчас посылаю вас в Рахманы, – сказал губернатор, когда я пробежал донесение исправника. –

Сейчас получите открытое предписание к инвалидному начальнику, берите команду; делайте что́ нужно, но чтоб бунта не было и чтоб виновные были открыты. Собирайтесь скорее, чтоб к утру быть на месте и идти по горячим следам.

– Позвольте мне не брать команды, – сказал я губернатору. – Я там всех знаю и надеюсь без команды исполнить ваше поручение: команда мне только мешает.

– Это как знаете, но про всякий случай возьмите предписание к инвалидному начальнику.

Я поклонился и вышел, а через четыре часа уже пил чай у к—ского исправника, с которым должен был вместе ехать в Рахманы. От города К. до Рахманов всего верст пятнадцать, и мы приехали туда ночью. Остановиться было негде. Управительский дом, контора, людская, прачечная, мастерские – все было сожжено вместе с заводом и мельницами, и по черным грудам теплого пепелища еще кое-где вились синие струйки дыма от тлеющих головней. Поместились в избе у старосты и послали за становым. Утром ранехонько прибежал становой и привез с собой рахмановского мужика, Николая Данилова, взятого им вчера под арест по подозрению в поджоге завода и в возмущении крестьян к бунту.

– Что ж вы узнали? – спрашиваю я станового.

– Поджог был-с.

– Отчего вы это думаете?

– Загорелись ночью нежилые строения, и все сразу.

– Кого же вы подозреваете в поджоге?

Становой развел руками с выражением полнейшего недоумения.

– По какому поводу вы арестовали этого мужика?

– Николая Данилова-то-с?

– Да.

– Да так. Он был наказан в этот день Деном, грубил ему и к тому же ночью оставался у завода, который почти прежде всего вспыхнул.

– И только?

– Да, только-с. Других указаний нет. Мужики все забираются.

– Вы допрашивали кого-нибудь?

– Делал дознание.

– И ничего не узнали?

– Ничего пока.

Вошел староста и остановился у порога.

– Что скажешь, Лукьян Митрич? – спросил я.

– К твоей милости.

– То-то, почто к моей милости?

– Мужики собрались.

– Кто ж тебе приказывал их собирать?

– Сами собрались; хотят с тобой гуторить.

– Где ж они?

– Да вот туточка.

Староста указал на окно. Против окна стояла огромная толпа крестьян. Были и старики, и молодые, и середовые мужики; все стояли смирно, в шапках, у некоторых были палки.

– Ого! сколько их, – сказал я, сохраняя все возможное спокойствие.

– Вся отчина, – заметил староста.

– Ну поди, Митрич, скажи им, что сейчас оденусь и выйду.

Староста ушел.

– Не ходите! – сказал мне становой.

– Отчего?

– Долго ль до греха.

– Ну, уж теперь поздно. Избьяная дверь не спасет: если пришли недаром, так и в избе найдут.

Надел я шубу и вместе с исправником и с становым вышел на крылечко. Толпа зашаталась, шапки понемногу стали скидываться с голов, но нехотя, не разом, и несколько человек в задних рядах вовсе не скинули шапок.

– Здравствуйте, ребятушки! – сказал я, сняв шапку.

Мужики поклонились и прогудели: «Доброго здоровья!»

– Накройтесь, ребята; холодно.

– Ничего, – опять прогудели мужики, и остальные шапки с голов исчезли.

– Пожалуйста, покройтесь.

– Мы и так постоим.

– Наше дело привычное.

– Ну так я вам велю накрыться.

– Велишь, такое дело.

Один-два мужика надели шапки, за ними надели и остальные.

Успокоился я. Вижу, что не ошибся, не взяв команды.

У самого крыльца стояли сани парой, и на них сидел Николай Данилов, с ногами, забитыми в березовую колодку. Он в черной свите, подпоясан веревкой и на голове меховая шапка. На вид ему лет тридцать пять, волосы темно-русые, борода клинушкой, взгляд тревожный и робкий. Вообще лицо выражает какую-то подавленность, но спокойно и довольно благообразно, несмотря на разбитую губу и ссадину на левой скуле. Он сидит без движения и смотрит то на меня, то на толпу.

– Что же вам, ребята, от меня желается? – спросил я сходку.

– Это ты будешь от губернатора-то? – спросил меня передовой мужик из переднего ряда.

– Я.

– Ты чиновник?

– Чиновник.

– Губернаторский?

– Да.

– Ну-к мы с тобой хотим побалакать.

– Извольте. Я вот слушаю.

– Нет, ты сойди оттолева, с крыльца-то. Мы с тобой с одним хотим поговорить.

Я не задумываясь вошел в толпу, которая развернулась, приняла меня в свои недра и тотчас же опять замкнулась, отрезав меня, таким образом, от исправника и станового.

Середовой мужик, пригласивший меня сойти, стоял передо мною.

– Ну о чем будем говорить? – спросил я.

– Мы потому тебя сюда и истребовали, что ты наш, тутошний, притоманный.

– О чем же хотели говорить?

– Да вот по этому делу-то.

Послышалось несколько вздохов со всех сторон.

– Зачем вы выгнали управителя?

– Он сам уехал.

– Еще бы! как вы его мало что не убили.

Молчат.

– Что теперь будет-то?

– Вот то-то мы тебя и потребовали, чтоб ты нам рас-

сказал: что нам будет?

– Каторга будет.

– За управителя-то?

– Да, за управителя; за поджог; за бунт: за все разом.

– Бунта никакого не было, – проговорил кто-то.

– Да это что, ребята! отпираться теперь нечего, – сказал я. – Дела налицо; сами за себя говорят. Будете запирайтесь, пойдут допросы да переспросы, разовре-тесь и все перепутаетесь. А вы б подумали, нельзя ли как этому делу поумней пособить.

– Это точно, – буркнули опять несколько голосов.

– То-то и есть. А теперь прощайте! Говорить нам, стало, уж не о чем.

Я тронул рукою одного мужика, он посторонился, а за ним и другие дали мне дорогу.

7

Начались допросы. Первого стали спрашивать Николая Данилова. Перед допросом я велел снять с него колодку. Он сел на лавку и равнодушно смотрел, как расклиняли колодку, а потом так же равнодушно встал и подошел к столу.

– Что, дядя Николай! Экое дело вы над собой сделали! – сказал я арестанту.

Николай Данилов утер рукавом нос и ни слова не ответил.

– Что ж ты за себя скажешь?

– Что говорить-то? Нечего говорить, – произнес он с сильным дрожанием в голосе.

– Да говори, брат: как дело было?

– Я ведь этого дела не знаю и ни в чем тут не причинен.

– Ну расскажи, что знаешь.

– Я только всего и знаю, чтт с самим со мной было.

– Ну, что с тобой было?

– Озорничал надо мной управитель.

– Как же он озорничал?

– Да как ему хотелось.

– Бил, что ль?

– Нет, бить не бил, а так... донимал очень.

– Что ж он над тобой делал?

– Срамил меня несносно.

– Как же так срамил он тебя?

– Он ведь на это документчик у нас.

– Да ты говори, Николай, толком, а то я и отступлюсь от тебя, – сказал я, махнув рукой.

Николай подумал, постоял и сказал:

– Позвольте сесть. У меня ноги болят от колодки.

– Садись, – сказал я и велел подать обвиняемому скамейку.

– Просился я в работу, – начал Николай Данилов, – просился со всеми ребятами еще осенью; ну он нас в те поры не пустил. А мне бесприменно надуть было сходить в Черниговскую губернию.

– Деньги, что ли, остались за кем там?

– Нет.

– Что же?

– Так; другое дело было.

– Ну!

– Ну не пустил. Заставил на заводе работать. Я поработал неделю, да и ушел.

– Куда?

– Да туда же, куда сказывал.

– В Черниговскую губернию?

– Ну да.

– Что ж у тебя за дело такое там было?

– Водку дешевую пить, – подсказал становой.

Николай ничего не отвечал.

– Ну что ж дальше было?

– А дальше зариштовали меня в Корилевце, да пригнали по пересылке в наш город, и, пригнамши, сдали управителю.

– Без наказания?

– Нет, наказали, а опосля ему отдали. Он меня сейчас опять на работу приставил, а я тут-то ден десять назад опять ушел, да зашел в свою деревню, в Жогово. Ну, там меня бурмистр сцапал, да опять к управителю назад.

– Что ж он, как привезли тебя к нему?

– Велел на угле сидеть.

– Как на угле?

– А так. Ребята, значит, работают, а я чтоб на угле, на срубе перед всем перед миром сложимши руки сидел. Просил топора, что давайте рубить буду. «Нет, говорит, так сиди».

– Ну, ты и сидел?

– Я опять ушел.

– Зачем же?

– Да я ему молился, говорил: позвольте, стану работать. Не позволил. «Сиди, говорит, всем напоказ. Это тебе наказание». – «Коли, говорю, хотите наказывать, так высеките, говорю, меня, чем буду сидеть всем на

смех». Не уважил, не высек. Как зазвонили на обед, ребята пошли обедать, и я ушел, да за деревней меня нагнали.

– Ну?

– Ну, тут-то уж он меня и обидел больше.

– Чем же?

Мужик законфузился и отвечал:

– Я этого не могу сказать.

– Да, а нужно, – говорю, – сказать.

– На нитку привязал.

– Как на нитку?

– Так, – покраснев до ушей, нараспев проговорил Николай Данилов. – Привел к заводу, велел лакею принести из барских хором золотое кресло; поставил это кресло против рабочих, на щепе посадил меня на него, а в спинку булавку застремил да меня к ней и привязал, как воробья, ниточкой.

Все засмеялись, да и нельзя было не смеяться, глядя на рослого, здорового мужика, рассказывающего, как его сажали на нитку.

– Ну, и долго ты сидел на нитке?

Николай Данилов вздохнул и обтерся. У него даже пот проступил при воспоминании о нитке.

– Так целый день вроде воробья и сидел.

– А вечером пожар сделался?

– Ночью, а не вечером. В третьи петухи, должно,

загорелось.

– А ты как о пожаре узнал?

– Крик пошел по улице, я услышал; вот и все.

– А до тех пор, пока крик-то пошел, – спрашиваю его, – ты где был?

– Дома, спал под сараем.

Говорит это покойно, но в глаза не смотрит.

– Ну, а управителя, – спрашиваю, – как выгнали?

– Я этого ведь не знаю ничего.

– Да ведь, чай, видел, как его перед заводом на кулаки-то подняли?

Молчит.

– Ведь тут уж все были?

– Все.

– И все, должно быть, били?

– Должно, что так.

– И ты поукладил?

– Нет, я не бил.

– Ну, а кто же бил?

– Все били.

– А ты никого не заметил?

– Никого.

Взяли Николая Данилова в сторону и начали допрашивать ночных сторожей, десятников, Николаевых семейных, соседей и разных, разных людей. В три дня показаний сто сняли. Если б это каждое пока-

зание записать, то стопу бы целую исписал, да хорошо, что незачем было их записывать; все как один человек. Что первый сказал, то и другие. А первый объяснил, что причины пожара он не знает; что, может, это и заподлинно поджог, но что он сам в поджоге не участвовал и подозрения ни на кого не имеет, опричь как разве самого управителя, потому что он был человек язвительный, даже мужиков на нитку вроде воробьев стал привязывать. Управителя же никто не выгонял, а он сам по доброй воле выехал, так как неприятность ему была: кто-то его на пожаре побил.

– Кто ж бил-то?

– Не знаем.

– А за что?

– Должно, за его язвительность, потому уж очень он нас донял: даже на нитку вроде воробьев стал привязывать.

Следующие девяносто девять показаний были дословным повторением первого и записывались словами: «Иван Иванов Сушкин, 43 лет, женат, на исповеди бывает, а под судом не был. Показал то же, что и Степан Терехов».

Вижу, пойдет из этого дело ужасное. Подумал я, подумал и велел Николая Данилова содержать под присмотром, а становому с исправником сказал, что на три дня еду в О—л. Приехал, повидался с правителем, и пошли вместе к губернатору. Тот пил вечерний чай и был в духе. Я ему рассказал дело и, придавая всему, сколько мог, наивный характер, убедил его, что собственно никакого бунта не было и что если бы князь Кулагин захотел простить своих мужиков, то дело о поджоге можно бы скрыть, и не было бы ни следствия, ни экзекуции, ни плетей, ни каторжной работы, а пошел бы старый порядок и тишина.

Слова «порядок и тишина» так понравились губернатору, что он походил, подумал, потянул свою нижнюю губу к носу и сочинил телеграмму в шестьдесят слов к князю. Вечером же эта телеграмма отправлена, а через два дня пришел ответ из Парижа. Князь телеграфировал, что он дает мужикам амнистию, с тем чтобы они всем обществом испросили у г-на Дена прощение и вперед не смели на него ни за что жаловаться.

Приехал я с этой амнистией в Рахманы, собрал сходку и говорю:

– Ребята! так и так, князь вас прощает. Я просил за вас губернатора, а губернатор – князя, и вот от князя вам прощение, с тем чтобы вы тоже выпросили себе прощение у управителя и вперед на него не жаловались понапрасну.

Кланяются, благодарят.

– Ну, как же? Надо вам выбрать ходоков и послать в город к управителю с повинной.

– Выберем.

– Нужно это скоро сделать.

– Нынче пошлем.

– Да уж потом не дурачиться.

– Да мы неш сами рады! Мы ему ничего; только бы его от нас прочь.

– Как же прочь! Князь разумеет, что вы теперь будете жить с Деном в согласии.

– Это опять его, значит, к нам? – спросили разом несколько голосов.

– Да, а то что ж я вам говорил?

– Та-ак-то! Нет; мы на это не согласны.

– Вы ж сами хотели нынче же послать ходоков просить у него прощения.

– Да мы прощения попросим, а уж опять его к себе принять не согласны.

– Так следствие будет.

– Ну, чтт будет, то нехай будет; а нам с ним никак

нельзя обиходиться.

– Что вы врете! Одумайтесь: вас половину посыпают.

– Нет! нам с ним невозможно. Нам куда его, такого ворога, девать некуда нам его.

– Да чем он вам враг?

– Как же чего еще не враг! Мужика на нитку, как воробья, привязывал, да еще не враг?

– Да забудьте вы эту дурацкую нитку! Эка штука большая! Небось лучше бывало при самом князе? Не издыхали, садовые дорожки подчищавши; не гляживали, как вороны на конюшне стоят?

– Ну, дарма. Он господин, его была и воля; а уж этакое, как управитель, он все ж не делал. Господи помилуй! – на нитку вроде воробья сажать... чего мы над собой, сроду родясь, не выдывали.

– Подумайте, ребята!

– Что думать! Думано уж. С ним до греха еще хуже дождешься.

– Ну, он уж не будет вас на нитку привязывать. Я вам ручаюсь.

– Он другое измыслит над нами не хуже этого.

– Что ему измышлять?

– Он язвительный человек такой.

– Полноте, ребята. Надо губернатору ответ дать.

Пауза.

- Что ж! Мы прощенья просить готовы.
- А управителя примете?
- Этого нельзя сделать.
- Да отчего нельзя-то?
- Он язвительный.

.....

.....

Ничего больше от рахмановских мужиков не добились, и пошло уголовное дело, по которому трое сослано в каторжную работу, человек двенадцать в арестантские роты, остальные же высечены при земском суде и водворены на жительство.

Впервые опубликовано – журнал «Якорь», 1863.